

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

МАМЧУР Е.А., ОВЧИННИКОВ Н.Ф., ОГУРЦОВ А.П. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ. М.: РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 1997. 360 с.

Эпиграфом к книге авторы избрали слова из ахматовского "Реквиема": "Хотелось бы всех поименно называть..." Хорошо помнится продолжение этих строк: "Да отняли список, и негде узнать". Даже в научной среде бытует сомнение: "А был ли список?". Авторы книги характеризуют подобного рода позицию следующим образом: "Философия науки в России? А существовала ли она вообще? Ведь мы обычно связываем русскую философию с религиозной традицией. Если она и существовала, то лишь в конце XIX века, и не является оригинальной, это де лишь ответвление европейской позитивистской мысли, весьма посредственное, малозаметное и не сыгравшее никакой роли ни в истории русской культуры, ни в развитии отечественной науки, ни в движении философской мысли. Таково общее мнение относительно философии науки в России" (с. 5). И сами авторы решительно встают против такой позиции, заявляя: "Показать беспочвенность такого рода мнений и предубеждений относительно отечественной философии науки, наличие в ней различных, зачастую альтернативных традиций и ориентаций, раскрыть все философское богатство в интерпретациях науки в России - такова основная задача данной книги" (с. 5).

Тем не менее, авторы предупреждают, что исследование носит предварительный, незавершенный характер, что в

рамках одной книги невозможно "отразить все точки зрения, проанализировать имена всех тех, кто был причастен в нашей стране к философской рефлексии над наукой" (с. 3). Именно поэтому они лишь частично придерживаются в своем изложении хронологической схемы изложения, а в основном ориентируют структуру своей книги на путь, который "связан с социокультурным подходом к науке, с включением науки в социокультурный контекст" (с. 54). Что это значит? Структура книги ориентирована прежде всего на узловые моменты истории России, которые исторически связаны, как правило, с выдвиганием программ модернизации страны. А поиск путей модернизации и был тем социокультурным контекстом, в котором формировались различные варианты отечественной философии науки (с. 55). Данный контекст предполагает функционалистское определение самой науки, при котором наука трактуется как функция процесса рационализации, как производная процесса модернизации, а философия науки - как вторая производная этого процесса (с. 55). Фактически модернизация осуществляется через различного рода проекты. А "наука и представляет собой важнейший компонент проективной деятельности в ее многообразных формах. Ее цель - найти способы рационализации, дать рациональное обоснование этим проектам,

быть импульсом проективной деятельности. Задача философии науки – найти адекватные формы постижения процесса модернизации, стать способом самосознания и интерпретации проективной деятельности, быть гарантом устойчивости процессов рационализации и модернизации” (с. 55).

Книга открывается разделом, посвященным проблемам становления отечественной философии науки в XVI-XVII веках. Почему-то этот значительный по объему и богатый по новизне и оригинальности текст авторы неуклюже озаглавили “Вместо введения”, лишив его тем самым вполне уместного статуса первой главы книги. Во “Вместо введения” рассматриваются исходные основы образованности и науки в России по схеме “рецепция versus спонтанное развитие”. Детально исследуются византизм в православии и неприятие науки как внешнего и мирского знания, православно-схоластической традиции и отношение к рациональности, а также попытки синтеза греческой и латинской образованности в России XVI-XVII веков.

Здесь рассматриваются две противоположные историографические позиции по отношению к генезису философии науки в России. С одной стороны, точка зрения таких авторов как Г. Плеханов, М. Тареев, А. Щапов, А. Лаппо-Данилевский, утверждавших мнение о принципиальной неспособности русской мысли допетровской эпохи подняться не то что до проблем философии науки, но даже до разумных элементов культуры и искусств (с. 11-12). Для этих авторов восприятие образования и науки для России с Запада является процессом однозначным. С другой стороны, приводится мнение такого компетентного автора как М.Н. Тихонравов о глубоком внутреннем развитии русской культуры XVI-XVII веков, ее напряженных и сложных отношениях с культурами Византии и Запада (с. 13-14). Разделяя точку зрения Тихонрава, авторы книги отмечают: “Тот, кто говорит о рецепции Россией западно-

латинской образованности и науки, не учитывает того, что рецепция – процесс вторичный и движимый, в свою очередь, внутренними импульсами и побуждениями... Процессы рецепции всегда существовали, существуют и будут существовать. Однако сделать их стержнем формирования и развития культуры того или иного народа невозможно, поскольку должна уже существовать подготовленная почва, чтобы восприимчивые культурные образцы и нормы смогли прорасти на ней, чтобы они не погибли в чужой социокультурной среде” (с. 14).

Воссозданный авторами социокультурный контекст становления философии науки в России благоприятным никак не назовешь. Даже у самых влиятельных и проницательных мыслителей России XVI-XVII веков обнаруживаются идеи и заявления, исключающие возможность какой-либо философской рефлексии. Сошлемся лишь на некоторые красноречивые цитаты, приведенные в книге. Артемий Троицкий: “Ведь вот имеем многих учившихся в разных странах и ставших противниками правой веры, уклонившихся в различные ереси. И ничем не помогло им многое учение... Каждый разумеет божественное тайноучение по чистоте ума своего, а не с помощью человеческих наук...” (с.25). В южно-русских школах Аристотеля называли “поганский учитель” и с недоверием относились к “латинским силлогизмам и хитро ими извращенным писаниям” (с. 38) Максим Грек, став монахом, выступал с обличениями греческой мысли, латинских ересей, иудаизма. Он противопоставил два пути – один путь внутренней и богодарованной философии, чуждой силлогизмов и доказательств, второй – внешнего диалектического ведения, “еллинского злого мудрствования”, “злоститрых диалектических выводов” (с. 26). Но авторы приводят и иного рода заявления, правда, не вполне типичные для России XVI-XVII веков. А.М. Курбский: “Древние учителя были наши во обоих научены и искусны, сиречь во внешних учениях философ-

ских и во священных писаниях... А мы неискусны и учиться ленивы, и вопрошати о неведомых горди и презориви, и еще мало нечто навькнем, мнимся уже все умети, и сего ради аще что в писаниях обрящем неведомо, поретим и растлеваем, яко ся нам видит, а ведущих не хотим спросити, а не поучиться хотим, но простерты лежим, ленностью и гнустостью погружены" (с. 32). Паисий Лигарид: "Искал я корня сего духовного недуга (раскола. — А.Н.) и в конце концов нашел два источника его: отсутствие народных училищ и недостаточность библиотек... Если бы меня спросили, что служит опорой духовного и гражданского сана, то я ответил бы: во-первых, училища, во-вторых, училища и , в-третьих, училища. Из училищ жизненный дух разливается, как сквозь жилы, по всему телу: это — орлиные крылья, на которых слава облетает вселенную" (с. 42).

Надо подчеркнуть, что подобного рода полемика рассматривается авторами не через примитивное внеисторическое противопоставление "мракобесие" — "просвещение". Авторы реконструируют сам дух эпохи. Обосновывая роль в культуре средневековой Руси сакрального комплекса православия, они показывают, что в рамках самого этого комплекса имелись мнения и пути как "за" так и "против" развития науки, философии и образования. "Ядром русской культуры того времени был христианский сакральный комплекс православия, который в целях обоснования власти, государства и самой церкви, иерархии социальных отношений был вынужден искать и привлекать вполне рациональные способы мысли, использовать в ходе полемики с католицизмом и протестантизмом рациональные аргументы и контраргументы, достижения логики и диалектики" (с. 35).

Переход в книге от "Вместо введения" (наука в допетровской Руси) к первой главе (наука в советской России 20-40-е годы XX века) оказывается исторически и хронологически столь неожиданен, что у читателя может сло-

житься впечатление, будто он сюрреалистическим образом или на машине времени попал из состояния "торжества православия" в эпоху "торжества мировой революции". Хотя авторы и заранее предупредили, что исключают из рассмотрения период XVIII — начала XX века, но "черная дыра" в изложении истории отечественной философии науки оставляет чувство недоумения.

В первой главе "Образы науки в советской культуре", посвященной разнообразию и богатству интерпретации науки в советской России 20-30-х годов, показано, насколько различались "образы науки" того времени. Они воплощались в следующих "сциентистских ликах": инструментально-идеологический образ науки в Пролеткульте; персоналистский образ науки; социо-организационный образ науки; образ науки как рационализирующей силы; семиотический, культурно-исторический образ науки. В первой главе также специально рассматриваются переход от мобилизации науки к рационализации научного производства, становление науковедения, социолого-статистический анализ научных сообществ, экологическое сознание и переориентация науки и технологий.

Открывается первая глава анализом научной деятельности Пролеткульта. Приводятся основные вехи его роста, развития и упадка. Рассматриваются воззрения таких руководителей и участников Пролеткульта как А. Богданов, К. Калинин, Ф. Радванский, П. Керженцев, И. Кан, Ф. Калинин, В. Плетнев, В. Полянский, М. Смит, С. Зандер, М. Левидов, Г. Баммель и др. Представляется, что авторы слишком упрощенно трактуют Пролеткульт лишь как романтическое, ультрареволюционное отрицание достижений науки. По их мнению, Пролеткульт создавал миф о пролетарской науке, в котором выразились левачки-сектантские, эсхатологические ожидания конца всей прошлой культуры и одновременно экстремистское подстегивание разрушения культуры (с. 62). Соглашаясь с обвинениями участников

Пролеткульта в сектантском левачестве, нигилизме и прочем специфически российском шапкозакидательстве, следует отметить и положительный вклад некоторых пролеткультовцев в развитие российской науки и культуры. Такие представители Пролеткульта, как его руководитель, “отец кибернетики” Александр Богданов или юный участник Пролеткульта Андрей Платонов оставили непреходящее научно-философское наследие. Не совсем точно в книге Платонов характеризуется как “в молодости увлекавшийся соединением идей Пролеткульта и философии Федорова” (с. 11). Он таким увлеченным остался на всю жизнь. И уже создав свои главные трагические самопародийные утопии “Чевенгур” и “Котлован”, будучи мудрым и проницательным мыслителем, Платонов отмечает в своей записной книжке: “Мое молодое, серьезное (смешное по форме) - остается главным по содержанию навсегда, надолго”.

Другой образ науки двадцатых годов, который рассматривают авторы, противоположен пролеткультовскому направлению. Этот образ связывает сущность науки с уникальностью творческой личности ученого. Лозунгом данного направления вполне могут быть слова академика С. Ольденбурга: “Личность в научной работе имеет преобладающее значение” (с. 68). Ученые, которых можно отнести к данному направлению, – А. Горнфельд, Д. Овсяннико-Куликовский, Т. Райнов, П. Энгельмейер, М. Блох, В. Бехтерев, В. Савич, А. Ленц, А. Мошковский и другие – исследовали различными методами и в различных научных областях особенности творческих личностей. Авторы особенно подчеркивают вклад Т. Райнова, являющегося основоположником применения количественных методов в анализе творческой продуктивности ученых на примере научных открытий физиков XVII – XIX веков.

Фактически все вышеперечисленные направления способствовали процессу рационализации отечественной науки. Неоднозначна была роль Совет-

ского государства в развитии науки. Авторы пишут: “Если на первых порах политика Советского государства формировалась как мобилизация науки для нужд государственного строительства, то в начале 20-х годов уже ставится вопрос о необходимости перехода от мобилизации науки к созданию плановой работы научно-исследовательских учреждений, о создании Комитета по делам науки с функциями координирующего, согласующего и планирующего органа” (с. 78). Государственная поддержка науки одновременно умаляла ее самоорганизацию и ориентировалась прежде всего на прикладные исследования и разработки. С процессом рационализации непосредственно связано и становление отечественного науковедения в работах И. Боричевского, Г. Грузинцева, М. Чайковского, В. Баженова, Е. Шевченко. А трудами П. Вальдена, Ю. Филипченко, Т. Лепина, И. Тайцлин, К. Симон были заложены основы социолого-статистического анализа научных сообществ.

Особый образ науки – культурно-исторический или семиотический – авторы связывают с трудами таких выдающихся ученых как Г. Шпет, М. Бахтин, П. Флоренский и В. Вернадский. “Для культурно-исторического образа науки характерно то, что и наука, и способы объективации знания (от техники до символического языка) рассматриваются как моменты культуры, взятой в своем объективно-идеальном значении” (с. 90).

В конце главы авторы рассматривают вопросы экологического сознания и переориентации науки и технологии, также сформировавшиеся в 20-30-е годы в Советской России. По мнению авторов, “в истории отечественной философии науки с начала XX века противостояли две линии, одна из которых стремилась превратить науку в средство овладения природой, а другая – в средство ее защиты от негативного воздействия человека и разрушения (с.107). Линия “покорения природы” отставалась П. Мантейфелем, И. Презентом, Т. Лы-

сенко, В. Скалоном, Б. Житковым, Н. Кащенко, Х. Вайцманом. Ученые другой линии: В. Станчинский, Б. Дитмар, Д. Кашкаров, А. Семенов-Тяньшанский, — “не выступая против курса на модернизацию России, выступали против бездумной и безумной программы ускоренной модернизации, подчеркивали важность осмотрительного вторжения в экосистемы, биогеоценозы, растительные и животные сообщества, делали акцент на целостном характере природных процессов” (с. 107). В конечном счете, как известно, победила программа овладения природой, подчинение ее воле человека.

Вторая глава книги специально посвящена такому особому и замечательному явлению в науке как русский космизм. Глава называется “Знание и Космос: гносеология космизма”. Здесь рассматриваются гносеологические идеи К. Циолковского, философия науки как проективный компонент философии действия В. Муравьева, антропокосмизм Н. Холодного и эволюционная эпистемология. Авторы отмечают: “Внутри философии космизма разработаны учение о познании и философия науки, которые, к сожалению, до сих пор не нашли освещения в нашей литературе. Причем следует особо подчеркнуть, что здесь были развиты разнообразные варианты гносеологии, зачастую альтернативные друг другу” (с. 109). Именно через призму гносеологической проблематики авторы рассматривают научно-философскую проблематику отечественных космистов. Особенно впечатляюще передано богатство и разнообразие социально-созидательных идей космистов, единство различных вариантов их гносеологий с практической деятельностью, например, проективно-организационный компонент философии действия В. Муравьева, эволюционная адаптация познавательных способностей к окружающей среде Н. Холодного, проблемно-деятельностный подход В. Вернадского. К сожалению, в этой главе даже кратко не затрагивается тема “Федоров и космизм” (Федоров лишь

упоминается в параграфе, посвященном Муравьеву). Но писать о космистах без прояснения их отношения к Федорову так же странно, как писать о марксистах, не сверяя их позиций со взглядами Маркса.

В третьей главе “Наука — предмет методологических исследований (1945 — 1987 годы)” рассматривается воздействие идеологии на советскую науку в послевоенный период, обращение отечественной науки к анализу природы научного знания, исследуется принцип соответствия, а также сеть методологических принципов, рассматривается наука в ее истории.

Авторы дают интересное определение понятия “идеология”. “Идеология — это не какая-либо конкретная система идей. Это особый феномен использования, феномен превращения *любой* системы идей властным аппаратом государства в средство укрепления своей власти” (с. 159). Далее рассматривается, как этот “особый феномен” “особо феноменально” проявлялся в философской дискуссии 1947 года по книге Г.Ф. Александра “История западноевропейской философии”, в разгроме генетики на сессии ВАСХНИЛ в июле 1948 года, в конференции по идеологическим вопросам астрономии в декабре 1948 года, в Павловской сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук в 1950 году, в дискуссии по проблемам языкознания, во Всесоюзном совещании по органической химии. В заключение рассматривается “удача” физиков, устоявших, хотя и с определенными потерями, перед валом идеологических проработок 1948-1949 годов. Интересен описанный в книге личный опыт осмысления научных и идеологических процессов той эпохи одного из авторов, Н. Овчинникова, бывшего в конце 40-х годов аспирантом Института философии.

Возвращаясь от нашествия идеологии на науку к самой науке, авторы специально рассматривают значение таких этапных работ в философии науки как статья М. Маркова “О природе фи-

зического знания" (1947), книга И. Кузнецова "Принцип соответствия в современной физике и его философское значение" (1948), обсуждение принципа соответствия в работах А. Арсеньева, А. Зотова, А. Турсунова, Б. Кедрова, И. Акчурина, А. Малиновского и др. Принцип соответствия – лишь один из методологических научных принципов. В книге "Методологические принципы физики (история и современность)" (1975) коллективом авторов А. Печениным, Е. Мамчур, С. Илларионовым, И. Алексеевым, И. Акчуриным, Н. Овчинниковым, В. Визгиным, А. Зотовым, И. Алексеевым, Б. Кедровым исследовались также принципы объяснения, простоты, единства картины мира, математизации, сохранения, симметрии, соответствия, дополнительности, наблюдаемости и элементарности. И здесь особое значение имеют наблюдения Н. Овчинникова за исследованием проблем методологических принципов в отечественной и зарубежной науке.

Заключительная часть главы посвящена отечественной историографии науки второй половины XX века. Она базируется на анализе монографий П. Гайденко "Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ" (1980), "Эволюция понятия науки (XVII - XVIII вв.)" (1987); Н. Кузнецова "Наука в ее истории" (1982); А. Арсеньева, В. Библера, Б. Кедрова "Анализ развивающегося понятия" (1967).

Четвертая глава "Отечественная философия науки: 60-90-е годы: структура, основания и развитие научного знания" описывает современную проблематику философии науки. Здесь речь идет о структуре научного знания, генезисе и развитии научных теорий; об основаниях научного знания, научной картине мира, идеалах и нормах научной деятельности, философских основаниях науки; социокультурной обусловленности научного знания; революции и традиции в науке.

По мнению авторов, в 60-е годы отечественная философия науки пере-

живает настоящий расцвет: осуществляются разработки и высказываются идеи, которые позволяют рассматривать отечественную философию науки как оригинальное, интересное и самостоятельное явление в современной мировой философской мысли (с. 248). Авторы перечисляют ряд составляющих этого явления. Во-первых, тесный контакт сотрудников Отдела философских вопросов естествознания Института философии АН СССР с ведущими естествоиспытателями страны. Особо выделяется здесь вклад таких естествоиспытателей, учитывавших необходимость философского анализа научного знания, как В. Фок, М. Марков, Д. Блохинцев, В. Гинзбург, В. Амбарцумян, И. Тамм, А. Тяпкин, Б. Болотовский, Я. Смородинский, М. Подгорецкий, В. Барашенков, В. Первушин, П. Исаев. Во-вторых, некоторые институциональные предпосылки, например, состоявшееся в 1959 году первое Всесоюзное совещание по философским вопросам естествознания способствовало созданию Научного совета при Президиуме АН СССР по вопросам научного естествознания, который впоследствии был преобразован в Научный совет по философским и социальным проблемам науки и техники. Начиная с 70-х годов усиливается тенденция к взаимодействию философов естествознания с историками, социологами науки, науковедами.

Авторы книги подчеркивают, что именно в отечественной науке было выдвинуто положение, что наука вступает в новую фазу – постнеклассическую. "Были зафиксированы некоторые, уже выявившиеся особенности постнеклассической науки; охарактеризован... в общих чертах присущий ей тип рациональности; активно разрабатываются основания новой постнеклассической естественнонаучной парадигмы мышления, анализируются ее ключевые понятия, категориальный строй, характерная для нее методология" (с. 337)

Авторам удалось создать глубокую и увлекательную хронику отечественной философии науки – хронику пока пред-

варительную, неполную. К сожалению, книга издана без именованного и предметного указателя, что для издания такого типа является заметным недостатком. Однако книга Е. Мамчур, Н. Овчинникова и А. Огурцова имеет исключительно важное значение для восстановления

столь необходимого списка в ахматовском смысле слова.

А.М. Никулин

кандидат экономических наук,
Московская школа социальных
и экономических наук

РОССИЯ: РИСКИ И ОПАСНОСТИ "ПЕРЕХОДНОГО" ОБЩЕСТВА: СБОРНИК СТАТЕЙ / ОТВ. РЕД. О.Н. ЯНИЦКИЙ. М.: ИЗД-ВО ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ РАН. 1998. 237 с.

Авторы исходят из концепции "общества риска", объясняющей культурные и институциональные изменения российского общества, порождаемые нарастающим производством рисков. Рассматриваются, в частности, отношение власти и населения к источникам повышенной опасности, специфика алкоголизма и наркомании, а также особенности самосохранительного поведения.

Несмотря на значительное количество литературы, посвященной социальным последствиям экологических и иных катастроф, российское общество как общество риска изучено недостаточно и рецензируемая работа может стать основой нового направления в социологических исследованиях.

Основная заслуга авторов рецензируемой работы состоит в том, что они отошли от "катастрофического" уклона в социологии, умножающего анализ последствий больших и малых катастроф, и подошли к ним как к печальному, но закономерному явлению современной России. Оригинальна и поставленная авторами задача риск-рефлексии: не только описывать, измерять и предугадывать последствия катастроф, но и осмыслить закономерности в реакции индивидов и социальных структур на производимые обществом риски.

Сборник содержит статьи общетеоретического характера (О.Н. Яницкий), результаты конкретных социологиче-

ских исследований (М.Е. Позднякова, Л.С. Шилова), а также статьи, раскрывающие проблемы современной "рискологии" (А.В. Мозговая, Г.Г. Заиграев и др.). Во введении к сборнику отмечается, что в отличие от трактовки рисков как последствий природных и техногенных катастроф, возможен и теоретически оправдан существенно иной взгляд на проблему рисков: как на неустранимую, интегральную часть процессов социально-культурных и институциональных изменений, особенно тогда, когда речь идет о социетальных трансформациях, подобных тем, которые имеют место сегодня в России (с. 6). Развивая этот методологический подход, О.Н. Яницкий раскрывает причины актуальности "рискологического" анализа российского общества. Во-первых, "порог несущей способности" прежней социальной среды был преодолен, и "социальная среда российского общества, состоявшая из множества хрупких микромиров межперсональных общностей, идентификаций и социальностей, соединенных паутиной слабых взаимодействий, рухнула под напором разрушительных трансформаций" (с. 15). Во-вторых, это риски являются следствием самого процесса модернизации (и демодернизации): "Коль скоро российское общество вступило на путь модернизации по западному образцу, не только его продвижение вперед, к последующей (высокой) фазе, но и отход назад, т.е.